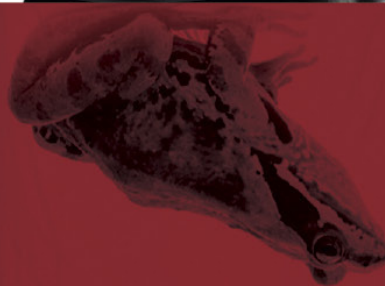

Андрей МАКСИМОВ

КТО ВАМ СКАЗАЛ, ЧТО ВЫ **ЖИВЫ**?

психофилософский роман

18+

Пронзительный роман о любви и
смерти от автора бестселлеров
по психологии.

«Упоительно. Талантливо.
И бесконечно правдиво о свете
и тьме внутри нас»

Игорь Бондарь-Терещенко,
«СНОБ»

Проза Андрея Максимова

Андрей Максимов

**Кто вам сказал, что вы живы?
Психофилософский роман**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Максимов А. М.

Кто вам сказал, что вы живы? Психофилософский роман /
А. М. Максимов — «АСТ», 2018 — (Проза Андрея Максимова)

ISBN 978-5-17-110645-4

Любовь. Секс. Самоубийство, которого не было. Труп, принадлежащий другому. Тишина заменит жизнь отцу. Суeta заменит жизнь сыну. Они расстанутся, не замечая друг друга. И встретятся, когда сын придет к отцу после собственной смерти. Новый роман Андрея Максимова – абсолютно необычен. Он заставит Вас плакать, смеяться, а, главное, думать. Этот роман не надо пересказывать. Его надо читать. Андрей Максимов – известный журналист, писатель, радио- и телеведущий, театральный режиссер. Колумнист «Российской газеты». Автор бестселлеров «Психофилософия», «Как не стать врагом своему ребенку», «Психофилософия 2.0» и др.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-110645-4

© Максимов А. М., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

НАЧАЛО	6
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Андрей Максимов

Кто вам сказал, что вы живы?

Психофилософский роман

– Скажи, пожалуйста, ты можешь объяснить, что отличает взрослых от детей?

– Конечно. У детей постоянно что-то происходит, а у взрослых не происходит ничего.

Из разговора с одиннадцатилетней девочкой Майей.

Моему младшему сыну Андрею – с благодарностью за дружбу.

Издательство выражает благодарность литературному агенту Светлане Поляковой за помощь в получении прав

При оформлении обложки были использованы фотоматериалы *Дмитрия Брикмана*

© Андрей Максимов, текст
© ООО «Издательство АСТ»

НАЧАЛО

*Мой труп лежал передо мной.
Мерзкий и отвратительный.
А каким еще и должен быть труп?
Ну все, самое страшное произошло: я умер. Теперь бояться нечего,
и можно существовать спокойно.
Я умер, и у меня больше нет никаких воспоминаний. Это самое
главное: никаких воспоминаний у меня больше нет.
Просто так представил. Почему нет?
Я даже вздохнул облегченно.
И тут мой труп... зашевелился.*

РАЗ... РАЗ... Отлично!

Поехали!

Мне пятьдесят лет. Я работаю звукорежиссером в знаменитом московском театре. У меня есть жена, сын и периодически появляющиеся любовницы. Еще у меня есть язва желудка. Лысина, которая постепенно и нагло оккупирует мою голову (надеюсь, только снаружи). Иногда я представляю себе лысину внутри – эдакая пустота на месте мозгов, которая все расползается и расползается...

Еще у меня есть имя и фамилия, которые столь же обычны, как и вся моя жизнь. Меня зовут Сергей Сергеевич Петров. И сына моего зовут Сергей Сергеевич Петров. И его сына будут так звать. И мы станем множить количество обычных, никому не нужных людей, которые родились для массы.

Я давно понял: есть люди, которые рождаются для движения. Они двигают эту жизнь – иногда куда надо; иногда – к пропасти. Жизнь движется людьми. Избранниками.

А есть масса, которая сдерживает это движение, чтобы не понесло человечество хрен знает куда. Мы – тупое, бессмысленное, жующее ничто, мешающее прогрессу. Мы называемся «обыкновенные люди».

Назвали нас так, разумеется, те, кто считает себя необыкновенными. И они правы. Мы – обычные. Поддерживающие обычаи. Мешающие движению. Жующие что дадут. Зарабатывающие сколько позволят. И я – такой. И сын мой такой. И его дети будут такими.

Потому что движитель ты или масса – это не от тебя зависит. Это карма такая.

Карма – это что такое? Неясное веление Божие. Господь что-то там решил, и ты теперь так будешь жить. И ты. И потомки твои. Попадем к Нему, тогда выясним, отчего такое происходит.

А пока – так.

Я сбился.

Вот всегда так: задумываю про что-то одно сказать и сбиваюсь. Потому что поговорить не с кем. Как только начинаешь сам с собой беседовать – остановиться невозможно.

Я люблю звук. Мы-то все больше воспринимаем мир как картинку. Даже придумали беззвучные социальные сети и смеем называть общением эту бессмысленную, беззвучную переписку.

Как можно общаться с человеком, если его не слышишь? Ведь даже глаза могут врать, а голос – никогда. И волнение, и любовь, и страсть – все выдаст голос.

Глаза – друзья. А голос предатель.

Я люблю звук, потому что он – настоящий. Фальшь слышна всегда.

Обожаю фразу Станиславского: «Открылся занавес, и актеры начали врать».

Он может выйти, актер... Или нет – актриса, красотка такая... Вроде Ирки...

Нет, про Ирку не думать сейчас, не думать... Пока есть время не думать – надо не думать.

Тем более не актриса она. При чем тут?

Так вот. Про звук. Она может выйти, актриса... Красотка вся. Грудь рвутся из платья. Ноги отмеряют сцену, как циркули...

К зрителям повернется – грудь вываливается. Отвернется – все на задницу плятятся. Пойдет – циркули меряют сцену – не оторваться.

А рот откроет – и все. Первые звуки голоса возникнут, и прям по Станиславскому: врет. В женщине что главное?

Голос. Ко всему остальному можно привыкнуть, а голос вот если бесит в телефоне – тогда все, кранты. Без вариантов.

В начале было слово. Но слово было сказано. Звук был в начале. Вот в чем дело.

Опять сбился.

Куда меня несет все время?

Нельзя вернуться к тому, что сказано. К тому, что прочитано, – можно. А к сказанному – нет.

Нельзя сказать: мол, вернитесь к тому, с чего я начал, потому что я продолжил так-то и так-то, а хотел сак-то и сак-то...

Когда пишешь – да. А когда говоришь – невозможное дело.

А я все это говорю. Наговариваю зачем-то.

Зачем?

Потому что это создает иллюзию общения.

Да – иллюзию. Но все-таки общения.

С магнитофоном мне, честно говоря, больше нравилось общаться, однако и с компьютером тоже можно.

Люди зачем друг с другом разговаривают? К чему звуки эти бестелесные запускают в воздух?

Чтобы они зафиксировались в голове собеседника. И больше ни для чего.

И больше им фиксироваться негде.

Разговор – это фиксация собственных мыслей в чужой голове.

Дурацкое занятие, если вдуматься. А вот компьютер фиксирует на самом деле. Навсегда.

Слово не воробей, говорите? Вылетит – не поймашь, убеждаете?

Еще как поймашь этого воробья!

Вот сидит воробушек... Слово это... Могу громче его послушать – могу тише. Могу порезать, переставить, поменять смысл... Все могу с этим словом, пойманным, сделать.

Все, что угодно.

Я выключаю компьютер и смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Когда я смотрю на часы, я вижу, как проходит время.

Когда часы смотрят на меня, они видят ровно то же самое: проходит время.

У меня старые часы. Не фирменные. Они долго на меня смотрят. И они уже очень хорошо поняли, как время проходит.

Смотрю в зеркало.

Кто придумал повесить зеркало в будке звукорежиссера – не знаю, но висит. И я в него смотрю.

А оно смотрит в меня.

Я отражаюсь в зеркале. А зеркало во мне не отражается. Зеркало никогда себя не видит. Зеркало видит меня. И я вижу себя. И картина эта меня не радует.

А Ирку радует.

Она утверждает, что я – красивый мужчина.

Врет?

Когда говорит, что красота в мужчине для нее не главное – точно обманывает.

А вот когда про меня – не знаю...

Если бы она была актриса, я бы ей не поверил точно.

Но она не актриса.

Я смотрю на часы.

Часы смотрят на меня.

Она придет уже сейчас. И надо будет решаться на что-то.

– Ира, тебя не смущает, что у меня есть жена?

Она смотрела на меня снизу вверх, изо всех сил стараясь, чтобы взгляд ее был преданным.

– Главное, что это не смущает тебя, правда? Тебя ведь давно это не смущает?

И снова – взгляд снизу вверх.

Женщина, которая хочет любви, всегда говорит так, словно знает про тебя нечто такое, чего другие не ведают.

«Тебя ведь не смущает, что у тебя есть жена».

Она не спросила. Нет, не спросила. Она утверждала.

А может, не надо решаться? Да и на что? Чего так серьезно относиться ко всей этой... ко всей этой... ко всей этой... с женщинами?

Как пелось в песне моей юности: «Я – твоя женщина, ты – мой мужчина. Если надо причину, то это причина...»

Вот и все.

Так?

Сегодня подошел придурок этот, Семен Витальевич, учитель литературы, и говорит:

– Петров, будешь на вечере советской поэзии выступать, стих выучишь и прочтешь... Не как всегда, будто одолжение всем делаешь, а с выражением.

Вот учитель... Он подваливает к тебе и начинает сразу в конфликт вступать. Ты еще рта не успел открыть, а он уже тобой недоволен.

И хочется сразу отшить его:

– Чего гонишь? Пошел бы ты, дорогой учитель, на хер.

А вместо этого спрашиваешь типа вежливо:

– Какой поэзии, Семен Витальевич?

И изо всех сил стараешься смотреть на него нормально, вроде без стеба.

А он все равно:

– Нечего тут лыбиться, Петров. Советской. Именно советской. Тут некоторые хотят уничтожить весь этот этап русской литературы, сделать вид, будто не было у нас: Маяковского, Горького, Федина, Катаева... Да, Петров, не улыбайся! Многие так хотят сделать. Ах, до чего многие!

Удивительное дело! Учителя звереют просто, когда мы улыбаемся. Конкретно так из себя их выводит улыбающийся ученик! Казалось бы, радуйтесь, педагоги, ваши ученики живут с улыбкой!

Так нет! Ничего их так не взбешивает, как наши улыбки.

Семен Витальевич продолжал свою лекцию. Он очень любит речи произносить. Количество слушателей его лекций ему явно пофигу. Не удивлюсь, если встает он перед зеркалом и сам для себя такую пургу гонит.

– Тебе, Петров, между прочим, экзамен по литературе сдавать. Так что слушай внимательно... Советская литература – это огромный этап русской литературы! Огромный и свое-

образный, понял меня? Запомни эту формулировку: огромный и своеобразный. Пригодится еще. И если кто-то хочет вычеркнуть этот этап из истории русской литературы, то я так скажу: «Не выйдет, господа хорошие, ничего у вас!»

Я почему-то сразу представил огромного, толстого человека с таким же огромным и толстым фломастером, который чего-то там такое вычеркивает – неясно, правда, откуда.

Когда Семен Витальевич начинает свою лажу, хочется исчезнуть и испариться. Но это никогда не удастся.

– Советская литература открыла новый тип человека, – учитель продолжал трепать так, будто перед ним сидела огромная аудитория. – И эту формулировку, Петров, запомни. Нового человека, понимаешь, Петров? Человека, который любит Родину больше, чем себя.

Я кивнул.

Хотя я совершенно не понимал: почему, если ты любишь Родину сильно, надо себя непременно любить слабо.

Но не спорить же?

Спорить с учителем – все равно, как в лужу сигать: сам же и обрызгаешься.

– Вечер будет посвящен советской поэзии. И тебе, Петров, выпала огромная честь прочесть стихи Степана Щипачева. Тебе известно, кто такой Степан Щипачев?

– Знаменитый советский поэт, – не задумываясь брякнул я, хоть и слышал эту фамилию впервые.

Семен Витальевич посмотрел на меня с удивлением.

– Найдешь стихотворение, которое начинается строчками «Любовью дорожить умеете...» Запомнишь, Петров? Близкая для тебя тема – тема любви и ответственности. А любви без ответственности не бывает. Понял, Петров? Запомни эту формулировку. В жизни пригодится. Любви без ответственности не бывает. Только так.

«Любви не бывает без секса», – едва не сказал я.

Но вовремя сдержался.

– Найдешь. Выучишь к послезавтра. Вопросы есть?

– В чем смысл жизни? – зачем то спросил я.

– Не умничай, Петров. Вот станешь знаменитым журналистом, будешь умничать. А пока рано тебе.

И он отвалился.

А я остался. Неведомый мне Щипачев считает всех за идиотов, что ли, если начинает с такой банальности?

«Любовью дорожить умеете...»...

Вот если я сейчас подвалю к Ирке и скажу:

– Чтоб любовью дорожила, поняла?

Она решит, что я – окончательный лох.

Впрочем, может быть, она про меня так и думает – кто ж ее разберет?

Прозвенел звонок, и я понял, что перемена опять прошла мимо. Без радостей.

Я плелся в свой класс, представляя, как Ирка, голая, лежит на кровати.

В который уж раз я представляю то, чего никогда не видел.

Я отгонял это видение, но, черт возьми, оно было куда клевей, чем все, что говорил Семен Витальевич, и все, что я услышу сейчас на уроке.

Кстати, какой сейчас урок?

Да какая разница...

Раз... Раз... Отлично!

Поехали!

Мне пятьдесят лет. Я работаю звукорежиссером в знаменитом московском театре. У меня есть жена, сын и периодически появляющиеся любовницы. Еще у меня есть язва желудка. Лысина, которая постепенно и нагло оккупирует всю мою голову (надеюсь, только снаружи).

И все это я не люблю.

Люблю разве что сына. Он у меня хороший. Хлопот не доставляет. Учится, правда, не очень... Да и ладно. Главное – профессию выбрал, хочет журналистом стать. Я одобряю.

Пишет там все время чего-то. И хорошо. Главное: не пьет, не колется, с девками не якшается. Нормальный парень.

Журналист – хорошая профессия. Мужская. Я все боялся, что он в актеры пойдет, но пронесло, слава богу. Не мужское это дело: скакать по сцене, чтобы тобой любовались. Я когда вижу, как актеришкам этим цветы дарят и они их так благосклонно принимают... Мерзко становится.

А чего еще и есть-то, по большому счету, кроме ребенка? Вот если ты – не движитель, а масса, то для чего ты? Плавно двигать рычажок, чтобы звуки медленно и красиво заполняли зал?

И все?

В юные годы я балдел от того, что легким движением могу заполнить зал музыкой.

В юные годы я много от чего балдел. Прошло.

Старость – это вычитание удивлений, вот что я вам скажу. Чем старше становишься, тем меньше удивляешься. Так вот жизнь устроена.

Когда человек маленький, его все удивляет. Сережка вот долго смотрел на мир, открыв рот. Буквально. Салют там... Да что салют! Собаку увидит на улице, рот откроет, стоит, смотрит.

Где это все теперь? Планшет ему на день рождения подарили. Даже глаза у него не загорелись. Взял, сказал «Спасибо». Олю поцеловал, мне руку пожал. И все... Вырос, значит, уже совсем.

А ему шестнадцать всего. Что уж обо мне говорить?

Когда уходит удивление – исчезает любовь, вот в чем штука. Что такое любовь, если попросту? Встречаешь женщину и удивляешься, что Господь такую создал.

Любовь – это всегда удивление. Чудо. И тебе, конечно, хочется быть рядом с чудом. Рядом с чудом всем охота быть.

Я когда Ольгу встретил – так и случилось. Худенькая, светловолосая, глаза огромные. И медленная. Очень медленная. Это важно.

Женщина должна быть медленной. Это мужик по жизни носится туда-сюда, а баба по жизни должна плыть не спеша.

Это мужик хочет, чтобы на него внимание обратили, – суетится бегают, в глаза всем специально бросается на всякий случай.

А женщина должна разрешать на себя смотреть. Дарить себя должна. Ведь по жизни это главное бабское дело – дарить себя.

Вот Ольга такая была. Медленная. Неспешная. Томная. Не хохотала почти никогда – удивительное дело. Улыбалась только.

И еще у нее все время что-нибудь болело. То голова, то начиналось это таинственное: женские дела... То у нее плечи ломило, то зуб ныл...

Меня это огорчало? Бесило? Нервировало? Да ничего подобного! Меня это радовало, да.

Я вдруг понял, что могу пригодиться. Да что там!

Я вдруг понял, что без меня невозможно обойтись.

Я вдруг встретил человека, которому без меня было хуже, чем со мной.

Я уверен, что в каждом из нас живут как бы два человека: один настоящий, подлинный, а второй – фальшивый, суетящийся, бегущий.

Первого рождает Бог, Второго – окружающие.

Первым движет желание делать то, что хочется ему. Вторым – то, что хочется окружающим.

Поэтому Первый абсолютно свободен, а Второй больше всего на свете мечтает понравиться тем, кто вокруг.

Вот так они и живут в постоянной борьбе друг с другом. И любой из нас выполняет то требования одного, то требования другого. Оттого все мучения и печали.

Еще, когда молодой был, Первый человек, живущий во мне, убеждал меня:

– Брось ты эту тяготию! Найди себе дело поинтересней. Ты же пишешь стихи и чего-то еще пишешь... Стань журналистом. Или поэтом... Пиши песни, на это можно прожить...

А Второй вздыхал:

– Стабильность – вот что дает тебе твоя работа. Стабильность и непильность – поди плохо! На зависть дело, ты что! Ты ведь любишь звуки? Вот и занимайся ими... Куда бежать? Зачем?

И я опять верил Второму. Я ему верил почему-то всегда.

Так я и жил, твердо понимая свою заменимость.

Я был заменяем всюду: на работе, в компании, в любви.

И женщин я тоже находил красивых, сексуальных, в меру умных – таких, чтобы и не скучно было, и не давили особо. Таких, которых можно было заменить, особо даже и не заметив перемены.

Я совершенно не собирался ни к кому привязываться и страдать из-за любви.

И тут Ольга.

И Первый сказал:

– Это твоя судьба. Это женщина, с которой ты будешь надолго, а может быть, навсегда.

А Второй хмыкнул:

– Ты чего это удумал? Всерьез влюбиться? Чтобы одна и на всю жизнь? С ума, что ли, сошел? А если она на сторону?.. Или ты? Или просто она тебе надоест? Или ты – ей?

Он был прав, Второй. Он всегда прав. Он разумен и логичен, потому что ориентируется на правила.

Но на этот раз я ему не поверил – я поверил Первому. Может быть, впервые в жизни.

Я влюбился.

Мне нравилось в Ольге все.

Больше всего мне нравилось то, что она была другой. Не похожей ни на кого.

И потому незаменимой.

Оказывается, женщина может быть незаменимой. Это было удивительно и классно.

Она казалась мне абсолютно беспомощной. И, значит, я должен был ей помогать.

Она была такая худенькая, тоненькая, болезненная, что рядом с ней я поневоле казался сам себе сильным и мощным.

Те, кто до Ольги, старались мне понравиться. Это было привычно и быстро надоедало.

Ольга вела себя абсолютно эгоистично, заставляла меня крутиться вокруг нее – странно, но ново...

– У тебя никогда не было таких отношений, ни с одной женщиной, – радовался Первый. – Может быть, они и есть настоящие?

– Ты устанешь от такой жизни, – хмурился Второй. – Признайся себе честно: ты из тех мужиков, за которыми ухаживать надо. Ты не сможешь так! Не сможешь!

Второй был прав.

Но я верил Первому. Я был влюблен.

И я сделал Ольге предложение.

И она ответила мне:

– Ага.

Медленно так произнесла, спокойно:

– Ага.

Я занимался удивительными вещами: ходил в магазин и химчистку; жарил мясо и вызывал сантехника; смотрел по телевизору сериалы и сидел на каких-то концертах, с трудом сдерживая зевоту.

Ко всем моим «подвигам» Ольга относилась как к чему-то совершенно естественному – она вообще не умела благодарить.

Когда, скажем, я приносил домой гору пакетов с едой, Ольга говорила – без улыбки и глядя куда-то в сторону, думая, казалось, о чем-то своем:

– Спасибо.

И медленно шла к кровати: больше всего на свете она любила лежать и смотреть телевизор.

Не могу сказать, что я терпел все это. Терпеть – это ведь мучиться, страдать. А мне почему-то все это нравилось. Наверное, потому, что ужасно интересно проживать как бы не свою жизнь. Новую, другую.

И Первый говорил:

– Любовь – это всегда рождение другого, нового, неведомого. Тебе страшно повезло, Серега! Такая удача раз в жизни выпадает, да и то не всем!

А Второй вздыхал:

– Ну-ну. Еще увидишь, что из этого получится. Сам же не веришь, что так может длиться долго. Фигня из этого получится. Точно тебе говорю: одна такая очевидная фигня.

Мне нравилась такая напряженная, странная, но зато абсолютно новая жизнь.

– Ты ведь стал нужен, нужен! – кричал Первый.

И Второй затыкался. Ему нечего было возразить.

В постели Ольга была вполне бесстрастна.

Она всегда ложилась ко мне одетой. Даже в первые наши свидания.

Потом она позволяла себя раздевать, слегка сопротивляясь. Потом позволяла себя любить.

За всю нашу жизнь она ни разу не отказала мне. Но при этом не была ни страстной, ни нежной. Пожалуй, ее можно было назвать податливой.

Она отдавалась мне, как корабль отдается буре: не сопротивляясь, но, естественно, и не помогая...

И никогда не предлагала сама. Никогда не делала первый шаг.

Сначала меня это удивляло. Потом – недолго – бесило. А потом я привык.

Постепенно я убедил себя в том, что мне с Ольгой жить хорошо. Во всяком случае, лучше, чем с другими.

Мне надоел этот постоянный поиск неизвестно кого. Я нашел незаменимую женщину, с которой у меня были вполне понятные отношения.

Я был нужен. А может быть, убедил себя в том, что нужен. Разве это так важно?

И они заткнулись оба – и Первый, и Второй – мои внутренние люди.

Видимо, они поняли, что жизнь идет так, как идет. И незачем в нее вмешиваться.

А потом родился Сережка...

Ирка влетела ко мне, заперла дверь, бросилась на колени и стала целовать.

Она была невероятно темпераментна. Или делала вид, что темпераментна.

Ирка была из тех женщин, для которых жизнь идет сплошняком, без пауз.

Она тут же полезла ко мне в штаны.

Я отвел ее руку.

Ирка искренно удивилась:

– Почему? Я хочу тебя!

– Могут же зайти...

– Не могут. Я заперла дверь.

Я решил купить лягушку.

Не знаю, на фиг она мне нужна. Но решил твердо.

У меня аквариум простаивает.

Когда я был маленький, родители увидели по телеку какую-то передачу, в которой очкастый умник заливал что-то типа того, что детям надо прививать любовь к природе.

Родители купили мне хомяка.

Они вынимали его из клетки, подносили зачем-то мне прямо к лицу и, мерзко улыбаясь, говорили:

– Только посмотри, какой хорошенький.

Хомяк был отвратительный и, главное, тупой. Совершенно ясно, что с ним не о чем разговаривать, – в его тупых красных глазках не проглядывало даже намека на понимание.

Мама сообщила, что его зовут Хома.

Я не врубился, зачем давать имя существу, которое никогда не будет на него откликаться.

Но честно улыбнулся маме. Я уже тогда понимал, что, если родителям улыбаться, они успокоятся и будут меньше давить.

Мне было тогда лет девять.

Я решил подарить хомячку свободу и выпустил его из клетки.

Это тупое создание не хотело никуда выходить, мне пришлось поднять клетку и вытряхнуть его на пол.

Совершив полет и приземлившись на лапы, хомяк тут же удрал под диван.

Диван был старый, пружинный, доставшийся еще от бабушки с дедушкой.

Родителям вообще всегда было в лом покупать мне новое, и они отдавали мне старое: я сидел за старым отцовским столом на его старом, продавленном кресле. Когда пришло время, он отдал мне свой комп, себе купив новый. Увидев это, мама потребовала новый айфон, мне достался ее...

Правда, недавно они купили мне планшет. И то спасибо.

Короче.

Хомяк расположился между пружинами дивана как раз в тот момент, когда в комнату пришел отец выяснять, как у меня дела в школе. На отца периодически находит педагогический раж, к счастью, ненадолго.

Отец рухнул на диван...

Расплющенного пружинами хомяка я обнаружил, когда мама в воспитательных целях заставила меня убирать комнату.

Я заорал и меня вырвало.

Мама, конечно, не могла соскоблить хомяка с пружин – надо было ждать отца.

Она строго-настрого велела мне в комнату до прихода отца не входить.

Помню это удивительное ощущение манящего ужаса. Невозможно разглядывать то, что там, между пружинами, но и не посмотреть на такую невероятность тоже невозможно.

Когда мама уснула – а это, как известно, ее любимое занятие, – я пошел глянуть на раздавленного Хому.

Меня била дрожь, к горлу подкатывал ком, и все-таки я почему-то тихонечко открыл дверь и почему-то на цыпочках подошел к дивану.

Удивляясь сам себе, я довольно спокойно пялился на расплюснутую тварь. Мне его совершенно не было жалко, и даже в кайф посмотреть, из чего состоит это мерзкое животное. Занятно было.

В принципе, я готов был сам его соскоблить и выбросить в мусорку, но понимал, что на меня будут орать.

Пришел отец. Выкинул трупешник, и меня начали жалеть.

Родители всегда сами решали, как и к чему я должен относиться. Меня не спрашивали.

Тут они решили, что я очень переживаю по поводу гибели Хомя, что ребенок пережил шок.

Ах, он у нас такой чувствительный! Такой чувствительный.

С чего они взяли?

Короче. Для моего успокоения решили купить рыбок.

Рыбки тупо плавали в бессмысленном аквариуме. Они казались еще более отвратительными, чем хомяк.

– Смотри, какие милые, – причитала мама, стараясь улыбаться.

Я занимался той же фигней: честно пытался улыбаться.

Хорошо помню: хомяк все-таки был живым. Тупым, бессмысленным, но теплым. Когда я брал Хомя в руки, он дрожал.

К тому же я видел его внутренности. Они были в крови, что конкретно доказывало: Хомя – тварь живая.

Рыбки живыми не были однозначно. Бессмысленные существа – холодные, и, в сущности, безглазые. Они ничем не отличались от стенок аквариума – такие же бездушные и мертвые.

Они были как... не знаю... как вилки или ножи. Да любая такая же фигня, которую никогда и никому не придет в голову жалеть.

И вот я решил провести над ними эксперимент.

Когда отец был на работе, а мама, как всегда, спала, я кастрюлей вычерпал из аквариума всю воду. Ну, почти всю. Немножко оставалось на дне, чтобы рыбки не подошли раньше времени.

Потом вскипятил кастрюлю и чайник и вылил кипяток в аквариум.

Не знаю, зачем я это делал, но было прикольно.

Как ни удивительно, стеклянные стенки аквариума выдержали напор кипятка. Чего нельзя сказать про рыбок, которые безо всяких эмоций всплыли кверху животами.

Они плавали животами кверху безо всякой этой дурацкой суеты. Можно было шариковой ручкой поводить по воде, и тогда рыбки спокойно плыли.

Дохлые рыбки ничем не отличались от живых, и было классно за ними смотреть.

Трагическую гибель рыбок родители засекли не сразу: они пришли на запах.

Понятно, что на меня орали, как всегда. Но как-то лениво, не драйвово, несли какую-то пургу про жестокость и любовь к природе.

Любовь к природе мне привить не удалось, зато аквариум остался.

И вот я решил купить себе лягушку...

Нужно было бабло.

Обожаю своих родителей! Они абсолютно предсказуемы, и потому с ними легко иметь дело.

Я кинул отцу:

– Пап, мне нужно четыре тысячи.

– Зачем? – спросил отец, не отрываясь от своих мыслей.

– Для школы, – буркнул я.

Я знал, что отец никогда не спросит: «Зачем для школы четыре тысячи?»

Он что-нибудь бросит про бесконечные поборы и выдаст пятеру, потому что четырех у него не найдется.

– Тысячу отдашь, – строго скажет папа.

И, конечно, забудет про тысячу.

– Как же надоели эти бесконечные поборы! – воскликнул отец, по-прежнему не отвлекаясь от своих мыслей, и полез за бумажником. – Только пятерка... Тысячу отдашь!

Я улыбнулся.

На следующий день на пороге стоял курьер, держа в руках банку с лягушкой.

– Кто пришел? – крикнула из своей комнаты мама.

– Товарищ, – ответил я, подмигнув курьеру.

Курьер отдал мне лягушку в банке, коробочку с лягушачьей едой и еще какой-то типа остров, который надо было опустить в «бассейн», потому что лягушки не могут все время находиться в воде.

Лягушка поплавала по «бассейну», потом залезла на остров и взглянула на меня.

Не могу сказать, чтобы это было очень приятное создание. Но лягушка смотрела не лишь бы куда, а на меня, и это, безусловно, делало ее живой.

Главное у лягушки – это, конечно, глаза. И они глядели осмысленно. Не знаю, как у других, но у моей лягушки был явно осмысленный взгляд.

Я понял, что купить лягушку – это была правильная идея.

Вошла мама, спросила:

– Товарищ ушел?

– Он на секунду заходил, – ответил я, даже не пытаясь прикрыть собой аквариум.

Я знал, что мама ничего не заметит. Взрослые всегда видят только то, что им хочется.

Мама разглядела бумажку на полу, сказала, чтобы я перестал свинячить в своей комнате, и ушла.

Лягушка сидела на острове и наблюдала за происходящим.

Я сел к компу и набрал: «Степан Щипачев. Стихи».

Тут же выскочила эта фигня про «Любовью дорожить умейте».

– Вот такая засада, – сказал я лягушке.

Лягушка посмотрела на меня и прыгнула в воду.

Она мне очень понравилась, и я решил, что ее надо как-нибудь назвать.

Ни погибшему в диванных пружинах хомяку, ни, тем более, бессмысленным рыбкам мне не хотелось давать никаких имен.

А лягушку захотелось назвать.

Она была совсем маленькая и беззащитная. Она зависела от меня.

Я даже решил, что она глядит на меня как существо, которое от меня зависит.

Даже если я это придумал – не важно. Я должен был ее назвать. Обязательно.

Я взял лягушку в руки.

Я знал, что лягушки должны быть холодными. От моей, конечно, тоже жар не шел, понятно. Она была знаете какая? Прохладная. И совсем живая.

Лягушка спокойно сидела на моей ладони и смотрела куда-то вниз. Я придумал, что она стесняется незнакомого человека.

Я решил, что назову ее – Ляга.

Лягушка Ляга... Нормально звучит, по-моему.

Я опустил лягушку в аквариум и позвал:

– Ляга.

И она не откликнулась.

Я полюбил ее за это еще больше. Потому что, если бы она отозвалась, – это была бы такая мерзкая банальность.

Мальчик – ах! – купил лягушку – ах! ах! – и назвал ее Ляга – сю-сю-сю... Он назвал ее Ляга – ах! ах! сю-сю-сю – и однажды он окликнул ее, и лягушка поплыла к нему, весело работая лапками, – ах! ах! сю-сю-сю... ах! ах! ах!

Фигня. Банальная фигня – именно то, что я ненавижу больше всего на свете.

Ляга была существом самостоятельным, типа жила так, как хотела.

Она абсолютно подходила мне...

Кто только наполняет человека такой гадостью, которая называется судьбой? Господь Бог? Верю. Но почему одним Он дает то, а другим – совсем другое? Он решает или сам человек? Глупые размышления, вполне себе бессмысленные... А куда без них?

Я люблю диктовать свои мысли. Я люблю говорить вслух. Смешно, наверное, но, когда я говорю вслух, мне кажется, я не один. Я с этими двумя, которые во мне живут, тоже вслух говорю. Сумасшествие? Да и бог с ним.

Жизнь – она что делает? Течет, несется или прыгает? Пролетает! Это точно. И ты зачем-то смотришь назад, надеясь, что там отыщутся истоки твоих сегодняшних проблем. Почему-то нам искренно кажется, что прошлое помогает осознать настоящее.

Кто и когда сказал такую глупость? Прошлое только все запутывает. Тебе представляется, что те выводы, которые ты сделал вчера, пригодятся сегодня. Ерунда! Вчера была совсем иная жизнь, совсем иные пазлы. То, что сходилась вчера, сегодня не сойдется. Точно.

Ведь мало того, что люди тебя теперь окружают другие. Это понятно. Но ведь и ты совсем иной. То, что ты осознал вчера, – там и оставь, во вчера.

Ностальгия по прошлому – это тоска по тому, что тебе еще вчера казалось понятным. Прошлое представляется нам ясным уже хотя бы потому, что оно всяко закончилось, и мы умудрились из него выйти.

Вот какой-нибудь баобаб растет себе, не анализируя свое прошлое. И воробей вряд ли вспоминает себя вчерашнего. И если бы помидор мог анализировать свою судьбу и делать выводы, необходимые для будущего, он бы еще зелененьким оторвался от ветки и попробовал бы спрятаться в траве.

Ненавижу все эти разговоры про то, что надо жить только сегодняшним днем, не боясь будущего и не думая про прошлое. Ерунда это все! Как не бояться? Как не думать? И прошлое и будущее давят на нас, истязают нас, и ничего ты с этим не поделаешь, как ни старайся.

Я стараюсь дома бывать как можно меньше. Потому что как раз настоящий я настоящему времени и не нужен.

Сергея? Парню шестнадцать лет – зачем я ему?

А Ольга? Где настоящее с ней? Какое оно?

Прошлое давит и терзает, хотя, казалось бы, пережито уже все. Все, что можно было пережить по-настоящему, осталось во вчера.

Так нет же... По-прежнему делаешь какие-то выводы, пытаешься понять то, что, казалось бы, уже давно понято...

Зачем это надо? Кому? Да и что за выводы, если вдуматься? Суета одна. Все та же суета – только не в поступках, а в мыслях.

А все равно возвращаешься, как идиот.

Сергея родился, когда мне исполнилось тридцать пять лет.

От тридцати пяти до сороковника – это как раз тот возраст, который дается мужчине, чтобы он окончательно убедился: мечтать больше не надо. Что сбылось – то сбылось, а что нет – извини и похерь: не бывать этому никогда. Если на рельсы встал, то по ним и катись.

А тут – сын.

Когда я впервые увидел, как Ольга кормит его грудью, я заплакал. До сих пор так и не понимаю почему. Знаю только, что в моей жизни нет и не будет ничего более трогательного и настоящего.

Дурацкие слова сказал. Банальный пафос. Но ощущение такое родилось – это факт.

Оля кормила недолго – до полугода. Уставала сильно. Спать хотела все время. Злиться начинала, в том числе и на Серегу.

Ну, я сам ей и сказал:

– Все. Хватит. Сейчас не то время, когда мы росли, сейчас такое искусственное питание – лучше материнского молока.

Оля пыталась что-то такое шептать про то, что лучше материнского молока не придумано ничего. Но было ясно совершенно, что говорит для очистки совести.

И я вставал по ночам, кормил его, потом в детский сад водил и в театры – сначала в свой, как водится, потом в другие, и на концерты, пытаюсь, как говорится, приобщить...

Понимал: я не просто нужен этому крохотному человеку – он просто помрет без меня.

Оля его любила, конечно. А как же! Мать все-таки...

Но все равно лежать на диване ей нравилось больше, чем заниматься сыном. Кстати, ничего ужасного я в этом не вижу.

Когда Сережка болел – а болел он редко, – она бегала в аптеку, варила бульон. И уроки с ним делала. И сейчас заходит на школьный сайт, проверяет оценки в дневнике.

Я-то считаю: когда парню шестнадцать лет, за ним уже следить не надо. Но она думает иначе. Ее дело и ее право.

Когда у нас с Ольгой все порушилось? Когда я с гастролей приехал?

Или я тогда приехал, уже уставший от нее, и просто воспользовался поводом... Которого не было, если честно... Или был?

Зазвонил мобильный. Неизвестный номер.

Честно говоря, я всегда радуюсь, когда звонит неизвестный номер.

От известного понятно чего ожидать, а от неизвестного может прорваться что-нибудь невероятное и приятное.

– Да, – ответил я.

– Сергей Сергеевич, – сказал женский голос.

Ничего не понимающие в таких голосах люди называют их «приятными». Тупое определение. Приятным может быть прикосновение, а голос не может быть приятным или неприятным.

На самом деле все голоса – и мужские, и женские – делятся на те, что вызывают доверие, и на остальные. С одними хочется продолжать разговор, с другими – нет.

С этим голосом хотелось иметь дело.

Голос сообщил:

– Меня зовут Инесса Валовая. Я директор певицы Ирма Стук. Вы, конечно, слышали ее? Я понятия не имел, кто такая Ирма Стук.

Но, судя по всему, эта Ирма хотела записаться на моей студии. А лишние деньги никогда не помешают.

– Конечно! – воскликнул я. – Ирма Стук... Драйвовая певица, – зачем-то добавил я.

Инесса Валовая вздохнула:

– Ирма поет романсы в современной обработке. Нам порекомендовали вашу студию для записи.

– А где вы записывались раньше?

– Это имеет значение? Нам порекомендовали вас. Такая возможность есть?

И мы начали договариваться.

Но тут влетела Ирка и заорала с порога:

– С бабой договариваешься? Бабник!!!

Я зажал телефон и прошептал:

– Заказ наклевывается.

Ирка посмотрела на меня уважительно и даже конца разговора дождалась.

– Ты знаешь такую певицу Ирму Стук? – спросил я, закончив разговор с Инессой.

Ирка начала дико хохотать и произнесла сквозь слезы:

– Она абсолютно безопасна. Певица по имени Ирма Стук не может представлять интереса как женщина.

Мне почему-то стало обидно, и я произнес, как мне казалось, веско:

– У нее еще директор есть, между прочим. Инесса Валовая зовут.

Ирка перестала смеяться, бухнулась ко мне на колени и прошептала, как ей казалось, лирично:

– Вот это уже серьезней...

Лягушка Ляга была маленькая, но своя.

С ее появлением моя жизнь стала поинтересней. В школе хоть вид надо делать, а дома вообще нечем заняться.

А тут – Ляга. Суперски. Надо решать массу проблем.

Практически, эксперименты ставить.

Сначала я решил проверить: будет ли Ляга легко ловиться и как она станет вести себя в моей руке.

Сунул руку в аквариум, схватил лягушку. Ляга не сопротивлялась: подавала легкие признаки жизни, но ощущалось, что особенно не нервничает.

Я вынул руку из аквариума...

Ляга слегка щекотала ладонь, было приятно.

Я подошел к своему столу и разжал пальцы.

Лягушка прыгнула на стол и затихла... Впрочем, ненадолго.

Следующие минут пять я носился по комнате, стараясь ее поймать, пока не догадался кинуть на Лягу рубашку.

Я бросил Лягу в аквариум.

Она поплыла как-то особенно нагло и вызывающе. Так выбрасывала ноги, словно отталкивалась от меня.

Показалось, наверное...

Я сел и задумался о том, можно ли выводить Лягу на прогулку? Чтобы такое к ней привязать, что могло бы играть роль поводка?

И тут вошла мама с вечным вопросом:

– Уроки сделал?

– Нам ничего не задали, – ответил я почему-то.

Мама удивилась:

– Почему не задали?

– Завтра к нам приезжают гости из США, – сходу придумывал я. – Мы будем доказывать, что дети всего мира хотят жить в дружбе. Да, кстати, каждый из нас должен принести в школу какое-нибудь национальное русское блюдо. Можешь испечь блинов?

Мне давно казалось по кайфу съесть парочку-другую блинчиков, но от мамы просто так фиг дождешься вкусенького.

– Еще не хватало, – вздохнула мама и подрулила к аквариуму. – Зачем воды налил?

Ляга, будто почуяв неладное, затихла в самом углу. Убей бог, но она затаилась так, словно и вправду ощущала приближающуюся фигию.

– Как! – вскричал я. – Ты разве не знаешь, что вода забирает из воздуха отрицательную энергию? Ученые доказали, что люди, в домах которых стоят аквариумы, живут на семь-восемь лет дольше, нежели те, у кого эти аквариумы не стоят.

– Правда? – недоверчиво спросила мама.

Я всплеснул руками. Получилось несколько противоестественно, но мама этого не заметила – она была занята своими мыслями.

Лягу мама не заметила. Взрослые вообще никогда не видят то, что им неинтересно.

– Может, нам с папой тоже аквариум купить? – спросила она задумчиво.

– Это ваше дело... Так как насчет блинов?

Мама вздохнула:

– Иди за мукой.

В супере я увидел клевые контейнеры, на которых было написано, что они «предназначены для холодных пищевых продуктов», и сразу врубился: это будет прекрасный переносной домик для Ляги. Практически, ее тачка.

Придя домой, я сообщил маме с печалью в голосе, что мука-то, оказывается, подорожала. Мама поахала, но теперь, когда она будет пересчитывать сдачу, – а это она делает всегда, – лишних вопросов не возникнет.

Я налил в контейнер воды и опустил туда Лягу.

Ляга спокойно начала исследовать новое пространство.

Лягину тачку я решил назвать ляговоз.

О чем и сообщил Ляге:

– Это ляговоз.

Понятно, что она не обратила на мои слова никакого внимания. Она ведь очень самостоятельное существо.

Теперь можно было звонить Ирке.

– Евсеева?

– Петров?

– Что подельываешь?

– Дурью маюсь. А ты?

– Скажи, Евсеева, ты мне – друг?

На том конце трубки замолчали: я люблю ставить вопросы, на которые нет очевидных вопросов.

– Денег надо? – наконец ответила Евсеева вопросом.

Я выдавил из себя вздох:

– Ты очень меркантильна. Речь идет о душевном деле.

Я прямо чувствовал, как Евсеевой стало интересно.

– И чё такое? – спросила она как бы безразлично. – Чё за стремный базар?

– Не, ну ты мне скажи: друг ты мне или так?

– Ну, друг.

– Тогда, Евсеева, я должен тебе признаться: я нашел любовь всей своей жизни и хочу тебя с ней познакомить.

На том конце трубки раздалась тишина.

В общении с другим полом что самое важное? Чтобы она думала про тебя. Пускай злится, негодует, даже ненавидит... Не важно... Главное, чтобы думала.

Ирка явно не знала, что ответить. Я победил.

– Завтра сходим, – я назвал самое дешевое из более-менее сносных кафушек.

И Ирка согласилась! Куда ж она денется со своим любопытством? И теперь она будет сосредоточена на мне – как минимум до завтра.

Теперь надо было получить у матери деньги на кафе.

Некоторым моим приятелям родители выдают деньги на неделю, или, скажем, на месяц. А мои почему-то панически боятся, что если дать мне немножко бабла, я обязательно потрачу его на наркоту. По-моему, все родители убеждены: дети – это такие идиоты, которые при первой возможности обязательно будут колотиться. Удивительные люди... Если бы я захотел попробовать дрянь, неужели я бы ее не нашел? Но я не хочу.

Мама лежала на диване и, как водится, смотрела какое-то идиотское ток-шоу.

Когда я вошел, она, не глядя на меня, сказала:

– Представляешь, сын хотел убить маму из-за квартиры... Скажи, Сереженька, ты не будешь убивать меня из-за квартиры?

Я сделал трагическое лицо и прошептал:

– Мам, дай мне денег.

– А иначе убьешь? – мама расхохоталась.

Сейчас последует вопрос: «Зачем?»

Интересное дело: ни разу еще не было такого, чтобы я попросил денег и мне не дали. И тем не менее мне всегда задают этот идиотский вопрос – и мать, и отец. Себя, что ли, успокаивают?

Отвечая на этот вопрос, можно что-нибудь придумать, а можно сказать правду. Тут самое главное – не перепутать, когда и что делать.

Мама была слишком увлечена ток-шоу. Можно говорить правду.

– Мам, я влюбился и хочу отвести девушку в кафе.

– У тебя что-то серьезное? – Мама не отрывалась от экрана. – Ты посмотри, как мать гнобит, гад! Если б ты такое говорил... Да еще с экрана!.. Я не знаю, что с тобой сделала бы... Дай мне кошелек... Помни, сынок, любовь – это ответственное чувство, так нельзя, чтобы...

На экране явно намечался конкретный мордобой, и маме моей стало уже не до воспитательных сентенций.

– «Любовью дорожить умеете, с годами – дорожить вдвойне», – процитировал я Щипачева, которого практически уже выучил наизусть.

В телеке началась реклама, что позволило маме ненадолго сосредоточиться на мне.

Мама вздохнула:

– Хорошее стихотворение... Сергей Есенин... Я знаю. Мудрые, между прочим, слова. Есенин не ошибался. Серге́и – они редко ошибаются.

И мама протянула мне деньги.

Что такое любовь – кто-нибудь знает?

Раз! Два! Три! Проверка!

И еще раз... Кто-нибудь знает, что это такое – любовь?

Вывесить динамик на улицу, чтоб на всю площадь, да на весь город заорал:

– Эй, люди, кто-нибудь из вас знает, что такое любовь?

И все начнут отвечать, умничать. И каждый – обязательно – про свое. И любой будет убежден, что его мнение – единственно верное.

Я всю жизнь думал про любовь. Зачем-то. И задавал себе этот вопрос. Непонятно к чему.

Глупость какая-то... А все зачем-то спрашивал и отвечал. И сейчас тоже...

Зачем?

Любовь... В юности казалось, что это просто физическая невозможность жить без человека.

В пятом... В шестом... Да не важно, в каком классе я влюбился в девочку по имени Лера. У Леры было два достоинства. Во-первых, длинная коса, почти до попы. Во-вторых, коса была рыжей. Больше у Леры никаких достоинств не находилось: маленькие глазки, короткие ножки, фигура тумбочкой...

Но этих двух было вполне достаточно, чтобы я буквально изнывал из-за нее, и когда Лера болела, – а делала она это почему-то довольно часто, – я тоже прогуливал школу: ходить в нее без Леры было совсем уж невыносимо.

Моя любовь к Лере закончилась тем, что я увидел ее голой, точнее – в белье...

До и после уроков физкультуры мальчишки очень любили подсматривать за тем, как переодеваются девочки. Девчонки об этом знали. Они как раз входили в тот возраст, когда постепенно начинали осознавать: фигура – это не то, что надо скрывать и чего следует стесняться. Фигура – это их оружие. А оружие – это как раз то, что следует демонстрировать.

Так рассуждали, видимо, не все. Но те, кто стеснялся, переодевались в туалете, а не в раздевалке. Остальные делали вид, что не замечают подглядывающих в щель двери мальчишек.

Уже тогда я был трусом. Впрочем, я им был всегда.

Всегда я жил в полной уверенности: если неприятность должна случиться – она произойдет именно со мной. Я приглашал неприятности в свою жизнь, и всякие гадости, конечно же, пользовались этим приглашением.

Я не подглядывал за своими одноклассниками вовсе не потому, что мне было не интересно, – в этом возрасте нет ничего более заманчивого, чем женское обнаженное тело, – а потому, что опасался: дело добром не кончится.

Но – Лера... Но – рыжие волосы и длинная коса. И однажды я заглянул за эту дверь.

Одноклассники, хихикая, говорили какие-то гадости и пошлости. Я ничего не слышал. Я даже ничего не видел.

Я смотрел только на рыжее, веснушчатое тело. Мне казалось, что все оно покрыто мерзкими, рыжими родинками. Ни кусочка белизны. Ни островка чистоты. Человек, сплошь состоящий из родинок.

Это было настолько ужасно, что я почувствовал позывы к рвоте.

С тех пор Лера перестала для меня существовать.

Но именно тогда я понял, что любовь – это желание прикоснуться. Нет такого желания – значит, и любви нет.

Вот и все. Вот и все философии.

Дверь распахнулась как всегда без стука.

Конечно, это была Ира.

Только директор театра и она входили ко мне без стука.

Я уже понял, что все женщины делятся на две неравные группы.

Одни относятся к тебе, мужчине, как к подарку. Они удивляются, что ты обратил на них внимание, стараются понравиться, смотрят в рот, восторгаются любой глупости, которая вылетает из твоего рта.

С самого начала отношений они словно говорят:

– Мне ужасно повезло, что у меня есть ты. Не бросай меня, а? Я буду стараться, чтобы тебе со мной было хорошо.

С такими женщинами комфортно. Но, в конце концов, с ними обязательно становится скучно. Ты быстро достигаешь своей цели и больше тебе стремиться не к чему.

Такие женщины, как отдых у моря – солнце, воздух, вкусная еда, водка... И – дикая тоска.

Женщины второй группы относятся как к подарку к самим себе. Они искренно считают, что тебе ужасно повезло, поскольку они обратили на тебя внимание. И в жизни, и в постели они не любят – позволяют себя любить.

С самого начала отношений они как бы заявляют:

– Мужик, тебе сильно повезло, что ты встретил меня. Меня мечтают заполучить все. Поэтому старайся, чтобы я осталась с тобой и продолжала позволять тебе любить меня.

С ними не бывает скучно и не бывает легко. Они не дают комфорта, но дарят азарт.

Такие женщины – как морская прогулка в шторм: прекрасное ощущение движения, ветер попеременно с морскими каплями бьет в лицо, тебя шатает из стороны в сторону... И маняще, и страшно, и забыть невозможно.

Конечно, такой была Ольга.

И тот, живущий во мне Второй, не случайно предупреждал все время:

– Не выйдет из этого брака добра. Не выйдет.

Ольга мучила меня – особенно после той истории. Да, та история...

Мне было тяжело с ней жить. Привычно и тяжело. Привычно тяжело.

Но эта мука и эта тяжесть уже стали частью моей жизни, и я не представлял, как можно жить без них.

Зато после той истории стал предпочитать женщин первой группы – влюбленных, а не позволяющих любить. Тех, которые ничего не требовали, а все, что дарили, – дарили с радостью.

Именно такой была Ирка Левова – костюмер нашего театра. Яркая женщина, влюбленная в меня.

Не исключено, правда, что она делала вид, что прямо так жутко влюблена. Но это не важно. Если она и играла роль, то талантливо.

Итак, Ирка, как водится, вошла без стука, заперла дверь и поздоровалась со мной долгим поцелуем.

Три года назад... Или четыре? А может, два... Не важно.

В общем, однажды, когда мы выпили по поводу очередной премьеры... или праздника... или без повода...

В общем, однажды, когда мы выпили, мы вошли вместе ко мне в студию, Ирка рухнула на диван и сказала со вздохом:

– Серый, ты – лучший мужик из всех, кого я знаю. Я хочу быть твоей. Возьмешь?

Так у нас все началось.

Любовь ли это? А кто ж его знает...

Сначала любовь – это невозможность прожить без другого.

Потом – необходимость прикоснуться.

Еще потом – это желание свить гнездышко, черт бы его побрал. Нашел дуру, которая готова делить с тобой один унитаз всю жизнь, – значит, все, любовь.

А потом знаете что? Знаете, во что превращаются со временем размышления мужчины о сути любви?

В простое понимание того, что любви никакой нет. И страсти никакой нет. А есть только привычка. Ты привык, что в твоей жизни должна быть баба. Вот и все.

И прожить ты без нее можешь. И прямо чтобы все время хотелось к ней прикоснуться, – тоже нет. И унитаз, как и кровать, всю жизнь делить с ней – не так чтоб прямо очень хочется.

Юная любовь строится на трех словах: «Я тебя люблю».

Любовь немолодого человека – на двух: «Пусть остается».

Сама явилась. Вот и хорошо. Вот и славно. Пусть, значит, и будет.

Зачем?

Для утех всяких, которые почему-то мне нужны по-прежнему. Да и вообще для увеселения жизни.

Мало разве?

Да! По молодости любовь нужна для жизни. А по старости – для увеселения жизни.

Ирка отстранилась от меня и сказала:

– Помнишь, что у нас премьера послезавтра?

Я удивился:

– Так не моя ж...

Ирка потрепала меня по голове – у нее это означало признак нежности:

– Ну ты, Серый, даешь, дурья твой башка. Премьера, сечешь? Банкет, сечешь? А кто-то хотел певицу записать...

Вот умница какая! Как же я сам с ходу не сообразил?

Гениально!

Я вынул Лягу из ляговоза и поставил на стол.

Я готов поклясться чем угодно, что Ляга смотрела на меня изучающе.

Наверное, это противоречит каким-нибудь законам биологии и еще чему-нибудь... Я заметил: самое интересное на свете обязательно чему-нибудь да противоречит... Не важно.

Противоречит или нет, но Ляга сидела на столе, никуда не скакала и смотрела на меня.

С интересом смотрела. Так мне кажется. Изучающе.

Я попытался представить, каким эта кроха видит мир.

Люди кажутся ей огромными и страшными типа монстрами, способными в любой момент сделать с ней что угодно...

Я увидел, как надо мной опускается гигантская рука, хватает меня и куда-нибудь переносит. Ужас!

Мне стало ужасно жаль мою Лягу...

Я четко врубился, что почему-то привязался к этому глазастому существу. Она совсем не казалась мне скользкой и противной.

Если бы она погибла в диванных пружинах, я бы сильно расстроился...

С кухни доносился вкусный запах блинов.

Я осторожно взял Лягу. Она не сопротивлялась. Удивительное дело: почему-то она не сопротивлялась никогда, словно не ожидала от меня ничего плохого.

Так же осторожно опустил ее в аквариум и пошел на кухню: хотелось пожрать.

В дыму и чаду стояла мама и жарила блины сразу на трех сковородках.

– Мам, зачем столько? – ахнул я.

– А как же! Класс ваш – целая орава. Да еще ваши американские друзья. Надо же, чтобы всем хватило!

Я поцеловал маму в макушку.

Мне стало неловко за свою шутку, но отступить было некуда. Придется завтра потрясти одноклассников. Надо еще придумать, как объяснить, чего это я вдруг приперся с блинами.

– Много не ешь, – буркнула мама, увидев, как я схватил блин. – Другим не достанется. Надо всегда думать о других.

Меня воспитывают все и всегда. Постоянно. Нет и не может быть такой ситуации в жизни, чтобы взрослые не использовали ее для воспитания подрастающих придурков, то есть нас. Я уже привык к этому, но все равно иногда жутко раздражает.

Какая же это жесть: утро!

Когда надо подняться, глядя в грязную утреннюю пустоту, и постепенно въехать в то, что, кроме пустоты, тебя в ближайшем будущем не ожидает ровно ничего.

Я поднялся, не открывая глаз. Подошел к аквариуму. Это теперь стало утренней привычкой.

Ляга сидела на островке и пялила на меня свои глазищи.

Не знаю, может, у лягушек есть какие-нибудь биологические часы, но мне приятно было думать, что Ляга специально ждет меня, чтобы поздороваться.

– Привет, Ляга! – сказал я и пошел на кухню.

Там стояли две кастрюли с блинами, накрытые пледом и одеялом.

Рядом лежала записка: «Блины постарайся согреть. Вот тебе деньги – купи обязательно сметаны, а то американские друзья не распознают вкус. Целую. Мама».

Мне опять стало стыдно. И мысль о том, что можно просто выкинуть блины на помойку, едва возникнув, тут же испарилась в моем мозгу.

Я взял два огромных пакета, положил в них кастрюли, и, грохоча всем этим, честно пошел в магазин за сметаной. Идея присвоить себе «сметанные» деньги, разумеется, возникла, но я ее отогнал.

Первым уроком была алгебра, и это облегчало дело.

Учительница алгебры Серафима Ильинична была еще совсем молодая девушка, которая из всех сил старалась делать вид, будто любит нас. Видимо, она решила найти путь в наши сердца через любовь. Однако алгебра от этого интересней не становилась.

Серафима Ильинична честно старалась не быть злыдней, иногда, правда, срывалась. Те ребята, кто решил поступать в математические вузы, говорили, что она нормально врубается в предмет. Остальных это просто не касалось.

Я дождался, пока все, включая Серафиму, войдут в класс, решительно влетел, поставил обе кастрюли на учительский стол, произнес веско:

– Серафима Ильинична, разрешите? У меня важное сообщение, – и, не дожидаясь ее ответа, продолжил: – Уважаемая Серафима Ильинична! Дорогие френды, коллеги, дамы и господа!

Класс сидел тихо и настороженно. Никто даже не хихикнул.

Серафима Ильинична отошла к окну и смотрела на меня взглядом, полным тревоги и безнадежной тоски одновременно.

– Мы христианская страна, – заявил я авторитетно. – Все знают, что весной бывает Масленица, когда христиане едят блины. Но! Но! Но! Мы христианской страной были не всегда. Раньше мы были язычниками...

– Кем? – спросил со своего места лопоухий Сашка, который всегда занимался только тем, что продавал и покупал. И больше его не интересовало ничего.

На него зашикали. Всем было интересно, что случится дальше. Во всяком случае, куда более интересно, чем слушать какую-нибудь математическую ерунду.

– Язычниками. Людьми, которые поклонялись богу Солнца. И вот у них тоже был свой праздник, на который они пекли блины. Ведь что такое блин, если вдуматься? Это маленькое солнце! Вот они их и пекли.

С первой парты, конечно же, выступила отличница Ленка – как же без нее? Ленка никогда не упустит случая выпендриться и показать, что она круче всех.

– Где они муку-то брали, язычники эти? – язвительно спросила она.

Но если я начал – меня уже так просто не остановить.

И я сказал уверенно:

– На мельницах. – И повторил еще раз: – Да! Мельницы были изобретены при язычниках. Это известно всем. Но не суть. И вот сегодня как раз языческая Масленица, так сказать. Серафима Ильинична, сейчас, как известно, особое внимание уделяется патриотическому воспитанию молодежи, то есть нас. И я лично считаю, что в деле патриотического воспитания молодежи очень важно вспомнить праздники наших далеких предков. А потому я вместе со своей замечательной мамой испек этих блинов...

– Эти блины, – автоматически поправила меня Серафима Ильинична.

Она явно находилась в состоянии ужаса.

Я продолжал:

– И, с точки зрения патриотического воспитания, мы должны их немедленно съесть, чтобы запомнить, как праздновали языческую Масленицу наши далекие предки.

– Петров, вы срываете мне у... – начала Серафима.

Но было, конечно, поздно: все бросились есть блины.

– Стойте! – крикнул я. – Стойте, подлые!

Все замерли.

– Одну секунду подождите, голодные люди, – попросил я.

После чего вынул из рюкзака тетрадку, положил на нее аккуратно три блина и преподнес их Серафиме Ильиничне со словами:

– Серафима Ильинична, вы напрасно расстраиваетесь. Мы сейчас все съедим и с утренней энергией примемся за математику.

– Ага... – Подтвердили все. – Мы быстро!

И бросились на блины.

Серафима Ильинична взяла блин и произнесла задумчиво:

– То, что ты все это придумал, Петров, я понимаю – не дура. Но зачем? Это ж какой труд – столько блинов испечь!

– Патриотическое воспитание, Серафима Ильинична. Чего не сделаешь...

Серафима посмотрела на меня зло. К сожалению, она была умной женщиной.

– Вы понимаете, Петров, что я должна буду доложить об этом случае директору?

Я улыбнулся:

– Еще блинчик не хотите? Моя мама очень вкусно печет блины, не правда ли? А сказать – конечно. Обязательно. Это ж патриотическое дело... Правда, учительница, которая не смогла предотвратить срыв урока, выглядит не очень хорошо. Тем более молодой специалист... Скоро вся школа – да что там – весь район! – заговорит о том, как дети на уроке алгебры ели блины вместе с учительницей... Вы угощайтесь, Серафима Ильинична, угощайтесь. И обязательно скажите.

Я достал телефон и щелкнул, как Серафима ест блины.

– На память, – улыбнулся я.

Все тоже достали свои телефоны, но я остановил порыв:

– Ребят, не надо. Социальные сети должны остаться в неведении об этом событии, а то мы поставим нашу учительницу в неловкое положение.

Я посмотрел на Серафиму.

Сметана стекала у нее по подбородку тонкой струйкой.

Я понял, что она никому ничего не скажет.

Все получилось. Я победил.

– Классно ты все придумал, – Ира как бы случайно дотронулась до моего рукава.

Обожаю такие случайности!

Я посмотрел ей прямо в глаза:

– Мне очень хотелось, чтобы тебе понравилось. Очень.

Ира не отвела взгляд:

– А с любовью всей жизни когда будешь знакомить?

– Завтра. Я за базар отвечаю.

Ира резко отвернулась и села на свое место.

Ее реакция мне очень понравилась.

Все шло хорошо. Правильно все шло.

Как и должно идти у победителя.

Мы сидели с Ольгой на кухне и делали вид, что ужинаем вместе.

Я думал про свое.

Оля доказывала мне необходимость покупки аквариума, потому что, видишь ли, кто-то, кому она доверяет абсолютно, объяснил ей, что аквариум... какая-то там энергия... что-то там еще...

В общем, бабский бред, как всегда. И ладно. Не спорить же!

Я кивал, вроде как соглашался. И даже что-то такое говорил, думая при этом про свое.

Я научился так говорить с Олей.

Должен сказать: это умение – думать про свое, но при этом согласно кивать, – очень облегчает семейную жизнь.

А думал я, надо сказать, про абстрактное, но почему-то для меня интересное.

Вот все бегают, ищут национальную идею. Придурки.

Русская национальная идея выражена в произведении Гоголя «Мертвые души». Или в произведении Пушкина «Пиковая дама». Или в произведении Достоевского «Игрок». И даже в произведении Булгакова «Мастер и Маргарита», если захотеть ее найти. Да, в сущности, во всех великих произведениях русской литературы идея эта выражена, если вчитаться и вдуматься.

Идея незамысловата, но действенна. Звучит примерно так: обмани (интеллигентно говоря, материться не люблю) другого, чтобы заработать самому. Вот и все.

Так и живет страна много-много лет, даже веков.

Не заработать, не создать, не придумать мы стремимся, а именно – как же трудно не использовать здесь матерное слово! – обмануть.

И «Мертвые души» про это. И «Пиковая дама». И все эти критики дебилы в «Мастере» – они почему хорошо живут? Потому что удалось обмануть всех, их фигию печатают – они процветают.

Самый богатый человек в мире, Билл Гейтс, придумал Майкрософт. Самый богатый человек в России – кто сейчас, не важно, – обманув всех, первым подбежал к нефтяной трубе.

Я видел кино про Стива Джобса, который даже Билла Гейтса обошел по деньгам. Как он там пробивал свою идею. Хороший фильм. Там про государство вообще ничего не сказано.

Придумал человек и – вперед! Государство не помогает, но и не мешает... Точнее, помогает тем, что не мешает.

А у нас? Все эти чиновники, которые были всегда, при всех режимах – они зачем? Случайно, что ли, над ними все время насмеваются, а победить не могут? Никто. Ни царь, ни советская власть, ни нынешние правители...

Случайно они так живучи?

Да нет, конечно.

Просто, если есть идея – то должен быть и ее символ. Это чиновник, который по законам этой самой идеи и живет: не надо ничего придумывать и строить, обмани других – тогда разбогатеешь.

Чиновники – это не зло, а естественная часть России. Как снег и гололед. Тоже ведь – неприятно, а куда это все денешь?

Вот я почему обрадовался, что у нас премьера завтра?

Потому что премьера – это такой театральный праздник, на котором все заняты. И директор наш в том числе. Почти наверняка ко мне в студию не зайдет.

К тому же у нас так поставлено дело, что провести человека в театр – если ты, конечно, не артист народный, а простой звукорежиссер, – ты можешь, только заказав пропуск в приемной директора. А там – надо объяснять, кто да зачем.

А вот когда премьера – ничего объяснять не надо, да тебя даже никто спрашивать не будет – премьера ведь!

Это все что означает? Что закажу я пропуск Ирине Стук и ее директору Валовой.

А потом в студии театра сделаю запись этой никому не нужной певицы и заработаю деньги лично. Оборудование театральное, а деньги мои. Так вот я реализую национальную идею.

Театр не обеднеет – я разбогатею. Так мы, русские, и живем. И всем хорошо.

Ну, а если даже – что вряд ли – директор все-таки ко мне заглянет, например, чтобы показать своим гостям, как у нас ладно все устроено в звуковой студии, так я объясню ему: вот, мол, гости пришли на премьеру, показываю, как у нас в театре все чудесно и по-современному.

В разгар Олиного монолога и моих радостных размышлений пришел Сережка, сказал:

– Мам, американцам очень понравились твои блины.

Поцеловал ее, пожал мне руку и пошел к себе в комнату слушать свои дурацкие гаджеты.

Какие американцы? Какие блины?

Не важно.

– Так купим аквариум? У Сережки вон стоит – он говорит, помогает.

– Обязательно купим, – ответил я. – Вот подзаработаю чуток и купим.

Оля подошла и поцеловала меня. Как ей казалось, нежно.

Для того ли я заработаю эти Стукины деньги, чтобы покупать какой-то дурацкий аквариум?

Да нет, конечно.

Я не стану аквариум покупать.

Ольга про него скоро забудет, как уже бывало не раз. Просто забудет и все.

Я знаю, что будет именно так.

И Ольга знает, что никак по-другому не будет.

И Ольга целует меня, как ей кажется, нежно.

И я улыбаюсь ей, как ей кажется, по-доброму.

И мы оба понимаем, что мы врем.

И она идет к своему любимому дивану.

А я включаю телевизор, где на каком-нибудь ток-шоу будут врать про национальную идею, потому что правду никто не хочет говорить. Или боится.

Так и идет наша семейная жизнь.

Кому плохо?

Всем хорошо. И мне, и Ольге, и Сережке.

Семья – это маленькое государство.

Разве счастлива та страна, в которой властвует правда? Ничего подобного.

Счастлива та страна, в которой властвует гармония. А на правде она построена или на лжи – никого не волнует.

В семье то же самое.

Разве я плохой муж или отец?

По-моему, чудесный! Я воплощаю русскую национальную идею. Мой сын и моя жена вполне себе счастливы. В семье расцветает гармония.

Все хорошо!

Я заглянул в комнату сына.

Он стоял над аквариумом и будто рассматривал в нем что-то.

«Наверное, получает положительную энергию», – усмехнулся я и включил телевизор.

Мама пошла в туалет с книжкой – это надолго.

Я прошмыгнул к ней в комнату.

Нитки лежали в красивой шкатулке. Я выбрал разной плотности три катушки: красную, желтую и черную. Хотелось бы еще, конечно, зеленую для понта. Но не нашлось.

Ляга сидела на островке и смотрела на меня, как мне показалось, внимательно.

Не надо только мне рассказывать, что я придумываю все про лягушек, что они так не живут, не смотрят, не интересуются... Что они устроены вовсе не так, как мне кажется.

И кому от этих знаний клево будет? Мне не будет!

А про людей мы, что ли, не придумываем все время? Или, может, мы знаем, как люди устроены? Да ладно... Все время выясняется, что мы устроены вовсе не так, как нам казалось вчера.

В общем, фигня это все.

Я достал Лягу и спросил, показывая на катушки:

– Тебе какой поводок больше нравится?

Ляга нырнула в аквариум и стала спокойно плавать, не обращая на меня внимания.

Мне хотелось Лягу выгуливать.

Кошек – и тех выгуливают, не говоря уж о собаках. В интернете сотни тысяч просмотров набрал мужик, который козла выгуливает на поводке. На крокодилов надевают какую-то специальную фигну, чтобы можно было прогуливаться с ними.

Чем Ляга хуже?

Я вынул Лягу из аквариума.

У лягушек, в отличие от собак, кошек и коз, шеи нет, у них голова прямо на туловище надета.

Я попробовал обмотать веревку вокруг лапки.

Очевидно, что Ляга совершенно не желала быть привязанной. Она все время вырывалась, упрыгивала и сидела, нагло глядя на меня своими глазами.

Взгляд был издевательский. И не надо мне говорить, что я это все придумываю.

Издевательский был взгляд.

Очень скоро я понял, что привязать за лапку не удастся, а вот сломать лапку – запросто.

«Интересно, – подумал я, – а если лягушка ломает себе что-нибудь, ей гипс кладут?»

Заниматься возможностью выгуливания Ляги было куда интересней, чем сидеть за компом. Никакой квест, никакие стрелялки не сравнятся с этим занятием.

Выйти с Лягой на улицу – это, конечно, было бы круто. Да и по школе пройти – нормально. На Ирку бы это точно впечатление произвело бы.

Можно было бы попросить Ирку ждать меня в кафе и впереться туда с Лягой на веревке. Круто!

Только вот Ляга совсем не хотела привязываться.

Сначала она никак не позволяла обматывать свое тельце нитками.

Когда же мне это все-таки удалось, Ляга рванула, и нитки порвались.

Я не самый терпеливый человек на свете. Но тут мне хватало выдержки – ловить и мотать, ловить и мотать.

Ляга дергалась, и нитки рвались.

Очень скоро я понял, что недооценил силу Ляги: нитки негодились, нужна была бечевка.

Я постучал к маме – надо было положить нитки на место.

– Да-да, сынок, заходи, – вздохнула мама.

Она, как всегда, лежала на диване.

– Мам, я тут нитки брал, – я пошел к шкатулке.

– Зачем?

– Дырку зашить... – Я задумался. – В брюках.

– Что ж меня не попросил? – спросила мама, не отрываясь от книги. – Совсем ты уже вырос.

То, что я зашивал брюки тремя разноцветными нитками, да к тому же без иголки, маму совсем не волновало.

Я купил в магазине бечевку.

Но и она не сработала: Ляга оказалась слишком скользкой и просто выскальзывала из нее.

Ну что ж... Придется сделать вывод, что не все в этом мире рождены для того, чтобы их выгуливали. Выгуливать можно не всех.

Ради такого вывода можно было прожить день – почему нет? Та фигня, которую мне предлагает мир и в особенности школа, вообще не рождает никаких выводов.

Я посмотрел дневник – выяснить, есть ли завтра что-нибудь важное.

ЩИПАЧЕВ!!! Крупными буквами было записано у меня.

Забыл совсем.

Я распечатал стих в Интернете:

Любовью дорожить умейте,
С годами – дорожить вдвойне.
Любовь – не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша,
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.

Если вся советская литература – такая же назидательная херня, то кому оно надо все?

Это что – стихи, что ли? Будьте дети хорошими, и все у вас сложится...

Бред какой!

Вот предки вместе жизнь проживают – у них песня, что ли?

Отец одно поет, мать – другое. Живут, вроде как, вместе. И это песня? Херня, а не песня.

Я бы не возражал с Иркочкой повздыхать. В баре каком-нибудь. И при луне погулял бы, поди плохо!

Ладно, покажем завтра, что такое любовь.

И Семену этому Витальевичу покажем. И Ирке.

Сейчас пару часиков за компом – и спать.

Завтрашний день обещает быть интересным.

Мы же не знаем, куда умираем, правильно? Не знаем...

Раз... Два... Три... Проверка... Пошла запись.

Так вот. Мы не знаем, куда умираем. И откуда в этот мир приходим – тоже неизвестно.

И вот я думаю иногда, что, когда человек умирает, он обязательно попадает на кладбище своих чувств. Где-то там, куда мы умрем, оно непременно должно быть – кладбище наших чувств.

Чувства – они ведь живые, правильно? А все, что живет, обязательно умирает, и чувства умирают, и мы это знаем прекрасно. Куда деваются, когда умирают?

Так вот, я думаю: есть кладбище такое. Там табличек нет, конечно, но просто надписи парят в воздухе.

Плывет твоя, вылетевшая из тела, душа в воздухе. И вдруг возникают слова... Например... Любовь к Лере... Значит, здесь покоится моя первая любовь...

Детский страх темноты... Тоже ведь – чувство, и тоже там покоится. Безумная любовь к мороженому... Ужас первого секса...

На кладбище чувств – множество могилок именно детских чувств. Почему они умирают?

Радость первого утра каникул... Восторг от того, что забил гол... Трепет от впервые замеченных девчоночьих глаз... Ужас выглядеть глупым, стоя у доски... Страх, что над тобой будут смеяться, когда ты сидишь на школьном унитазах...

Это все умирает и покоится на кладбище чувств.

Как нас удивительно создал Господь: чем старше мы становимся, тем меньше у нас чувств. Зато и похороны чувств реже случаются. Наверное, когда я совсем состарюсь, все чувства превратятся в привычку. Я буду одна такая большая привычка...

Любовь – она умирает, конечно, в более зрелом возрасте. В детстве рождается, в более зрелом – умирает.

Оно ведь как все происходит? Кажется, что умерла любовь к конкретному человеку, а потом выясняется, что она умерла как таковая, вся. Закончилась.

Нет у тебя больше такого чувства: любовь.

Похоронили ее на кладбище чувств, и живет себе человек без любви. И постепенно привыкает к этому.

Нет, всполохи, конечно... Это да. Взрывы там. Эмоции, разумеется. Только к любви это все отношения, в сущности, не имеет.

Любовь к кому-то конкретному может умереть вдруг, мгновенно, внезапно – словно человек, у которого случился сердечный приступ и не откачали.

Любовь как чувство, составляющее смысл жизни, уходит медленно – как человек, у которого случился инфаркт или инсульт: болеет, болеет, а потом – раз! – финальный удар! И – на кладбище чувств.

Когда кончилась любовь с Ольгой – кончилась любовь вообще.

Все, что было потом, к любви отношения не имеет. Никакого.

И тут зазвонил мобильник. Высветилось «Ирма. Директор».

И я потянулся к трубке.

Ничто не предвещало ничего.

Но тот, Первый, живущий во мне, вздохнул и тихо-тихо так произнес, неслышно почти:

– Неужели понеслась?

А Второй ответил грубо и громко:

– Оно тебе надо? Ирке тебе мало, что ли?

– Это Инесса Валовая, – сказала трубка. – Директор певицы Ирмы. Я хотела договориться с вами о записи.

Для человека по имени Инесса Валовая у нее был слишком приятный голос. Ей-богу, слишком приятный...

Я посадил Лягу в ляговоз – пора было показать ее одноклассникам. Или ей показать одноклассников – не важно. Класть ляговоз в рюкзак было невозможно, это понятно.

Пришлось отыскать отдельный полиэтиленовый пакет для ляговоза. Ненавижу таскать пакеты в руках, но тут выхода не было.

Первый, на кого я налетел в школе, был лопоухий Сашка, который за чем-то попытался выдернуть у меня пакет из рук.

– Сменку, что ль, принес? – радостно завопил он.

Я толкнул его в грудь, он отлетел к стенке, но даже не обиделся – привык.

У нас не ходят по школе с полиэтиленовыми пакетами. Непонятно почему, но не ходят. У нас в школе действует простой принцип: что не разрешено – то запрещено.

Семен Витальевич возник скалой:

– Что у вас в пакете, Петров?

– Счастье, – ответил я спокойно.

– Перестаньте лыбиться, Петров!

– Я не лыблюсь, Семен Витальевич. Кстати, давно хотел спросить у вас как у учителя русского языка и литературы: а что, собственно говоря, означает этот глагол: лыбиться?

– Петров, прекратите немедленно! – взвился Семен Витальевич.

– Что именно прикажете прекратить? – спросил я предельно вежливо.

– Сейчас на уроке литературы вы будете первым читать стихи Степана Петровича Щипачева, которые вы наверняка не выучили... Не выучили ведь?

– Как вам сказать...

Я тянул время в надежде, что Семен Витальевич отвлечется от пакета на мое воспитание. Когда учителя начинают воспитывать, их, как правило, ничего больше не колышет.

Если учитель воспитывает ученика, то будь хоть пожар, хоть взрыв, хоть землетрясение – он не заметит ничего. Проверено.

– Вижу, что не выучили, вижу! – обрадовался Семен Витальевич. – Первым спрошу, так и знайте.

И тут прозвенел звонок. Никогда еще, пожалуй, я так не радовался звонку на урок.

Всю дорогу я сижу за партой один. Не то чтобы я всех повыгонял или со мной никто не хочет сидеть, – просто так повелось. И меня это всегда радовало.

На фига кто-то рядом? Если что, с телефоном и пообщаться можно, и списать с него проще.

Семен Витальевич внимательно и хитро посмотрел на меня и произнес зловеще:

– К доске пойдет...

Все опустили головы, словно хотели спрятаться.

– Григорий Тумилин, – выдохнул педагог и хитро посмотрел на меня.

Вот педагоги – удивительные люди! Почему-то им нравится издеваться над своими учениками.

Витальич решил, что я буду теперь трястись весь урок, ожидая позора. Он просто не знает, какой сюрприз я ему приготовил. Пусть порадуется, бедолага.

Толстяк Тумилин вышел к доске и вздохнул:

– Шолохов. «Тихий Дон». Фрагмент.

– Нет! – вскрикнул Семен Витальевич. – Вы, Тумилин, сначала расскажите нам, кто такой Михаил Александрович Шолохов, каков его вклад в советскую, а значит, и в мировую литературу.

– Он этот... – начал Тумилин. – Лауреат Нобелевской премии как раз вот за тот роман, из которого фрагмент.

«Это надолго», – понял я и огляделся.

Ирки не было. Она опаздывала. Она часто опаздывала на первый урок – говорила, что не может проснуться. Иногда и совсем не приходила.

Жаль, что выпендриваться придется без нее. Но что поделать?

Тумилин в это время сказал какую-то глупость про Шолохова: мол, в своем романе Шолохов пытался...

Витальевич взревел:

– Это вы пытаетесь мне отвечать! А гений знал, что делает.

На что Тумилин вполне разумно возразил, что, мол, Шолохов не знал, что он гений.

И – понеслась.

Я понял, что шоу надолго, и решил проведать Лягу.

Осторожно достал ляговоз.

Ляга словно висела в воде, почти не подавая признаков жизни.

Я потряс коробочку.

Можете мне верить, а можете – нет, но я абсолютно убежден, что Ляга скосила на меня свои глазища: мол, чего тревожишь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.